

И. В. Мелик-Гайказян, И. П. Эленгх

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ РЕШЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

На основе положения информационно-синергетического подхода (И. В. Мелик-Гайказян) о генерации информации как процессе выбора варианта «выхода из хаоса» обоснован критерий эффективности философских решений проблем, вызванных темпом научно-технического развития. Данные проблемы имеют характеристики: их генезис лишен очевидности, состояние обладает сильной неустойчивостью, решение не имеет прецедента и требует быстрых действий. С позиции понимания информационной креативности хаоса установлен критерий эффективности по соотношению лаконичности и оригинальности обоснования выбора варианта, преодолевающего состояние неустойчивости. Обсуждена эффективность философских решений экологической и биоэтических проблем. В статье представлены отдельные результаты выполнения проекта РФФИ № 11-06-00160 «Критерии самоорганизации информационных систем» и обоснована постановка задачи в проекте РГНФ № 12-03-00198 «Биоэтика как форма самосознания современной культуры».

Ключевые слова: критерий, эффективность, информация, креативность хаоса, эффективность философских решений, научно-техническая проблема, экологическая проблема, биоэтическая проблема.

Философия обладает самостоятельной ценностью в интеллектуальной истории, поэтому всевозможные измерения успеха достижений философии излишни. Доказывать необходимость философии или судить о пользе отдельных направлений в философских исканиях – это подтверждать обоснованность сомнений в ценности любого из опытов философской рефлексии. Согласимся с этим широко распространенным убеждением, поскольку признаем значимость *разнообразия* для осуществления эволюции, создающей новые цели, формы и смыслы. Поясним, что генерацию разных целей мы корреспондируем с представлениями о роли «странных аттракторов» в нелинейной динамике; создание новых форм – с теориями биологической эволюции; порождение новых смыслов – с концепциями интеллектуальной истории, что и объясняет необходимость множественного существования целей, форм и смыслов в качестве условия коэволюции неживых, живых и когнитивных систем.

Высказанное согласие с убеждением в самостоятельной ценности философских решений, казалось бы, диссонирует с постановкой задачи о поиске критерия их эффективности, что лишает тривиальности приведенное пояснение, поскольку признание равноправной значимости разных вариантов решений получает свое обоснование только в постнеклассическом понимании креативности хаоса.

Здесь уместно напомнить историю вхождения этих принципов в современные философские исследования. Почти век назад наука переживала кризис в связи с взаимоисключающими теоретическими вариантами объяснения эволюции, восходящими к идеям Ч. Дарвина и Л. Больцмана. Паллиативное решение было найдено в философских идеях А. Бергсона, философии процесса А. Н. Уайтхеда и теории систем. На теоретическом уровне не находила понимания необратимость динамики

сложных открытых систем. Объяснение необратимости времени до сих пор принадлежит к эпистемической вере ученых и идейно разделяет научное сообщество. Новая трактовка роли хаотических состояний стала результатом построения И. Р. Пригожина своей программы конкретно-научных исследований на основе двух философских идей: А. Бергсона о творческой эволюции и А. Н. Уайтхеда о телеологическом процессе совершения события. Философское обобщение открытых механизмов самоорганизации «от хаоса к порядку», сделанное В. С. Стёпиным, обеспечило развитие новой методологии, позволяющей исследовать действительность и реальность во всей их вариативности и многомерности, что необратимо зафиксировало условность категоричных суждений. Суть этой условности в том, что каждый предлагаемый вариант решения требует указания на границы своей применимости. Это заставляет в занятии наукой или философией помнить о необходимости смирения своих честолюбивых помыслов в том смысле, о котором писал Умберто Эко [1, с. 163–165].

Акцентируем следующие моменты в представленной истории становления синергетической парадигмы. Во-первых, как всякое ретроспективное изложение оно предполагает отбор отдельных фактов из множества всех действительных обстоятельств. События, в совершенном нами отборе, отмечены в последовательности: а) кризис в науке как состояние, вызванное неустойчивостью каждого из альтернативных вариантов объяснения; б) предложение новых вариантов философских решений, каждый из которых фиксирует только один из возможных способов преодоления неустойчивости; в) создание программы научных исследований, приведшее к дискуссионным теоретическим построениям, стимулировавшим еще более широкий спектр научных и философских исследова-

тельских направлений. Во-вторых, в этом нарастающем разнообразии и состоит творческая сила хаоса, порождающая альтернативные сценарии эволюции системы, что усложняет структурную организацию самой системы, поскольку все возникающие «новые порядки» теперь должны сосуществовать вместе. В-третьих, преодоление хаоса есть событие, для свершения которого необходимо существование разнообразия сценариев его преодоления, поскольку именно случайный выбор одного из них будет фиксировать выход из хаоса. В-четвертых, множественность и разнообразие, являющиеся условием достижения системы хаотического состояния, и вариативность сценариев динамики системы после его преодоления накладывают неизбежные ограничения на пределы применимости любых универсальных теорий, концепций и учений [2].

И, наконец, самое главное в понимании креативности хаоса: порождение нового есть вариативный результат процессов выбора и отбора из того разнообразия, которое обеспечено одновременным присутствием множества сущностей. В этом глубокий смысл тезиса «от существующего к возникающему», вынесенного И. Р. Пригожиным в название одной из своих книг [3]. Иллюстрацией тезиса могут служить и строки А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». Только в религиозных учениях и только Богу подвластно сотворение «из ничего», остальные творят в спонтанном выборе и вариативном отборе из множества уже существующего, даже если это существующее прежде было лишь «сором».

Для уточнения нашего утверждения обратимся к ясным строкам еще одного поэта. В известном стихотворении П.-Ж. Беранже есть такие слова: «Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, — честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!». В состоянии сильной неустойчивости целью становится его преодоление. Из множества потенциальных вариантов далеко не всегда выбирается лучший, поскольку конъюнктурную привлекательность приобретает любой вариант или случайная комбинация этих вариантов.

Выбор может приблизить к достижению некоей цели, а может отдалить от нее. Отбор вариантов решения может привести к долгому способу нахождения ответа, а может стимулировать обретение лаконичного способа его получения. Таким образом, эффективность решения становится возможным оценить по соотношению двух характеристик: вероятности достижения цели и количественному выражению самого способа решения. Это соотношение мы и будем считать критерием эффективности философских решений тех проблем, возникновение которых не имеет прецедента и требует бы-

стрых реакций, т. е. проблем, связанных с ускоряющимся темпом научно-технического развития и его непредсказуемыми последствиями.

Сама постановка задачи о выяснении, во-первых, принципиальной возможности определения эффективности философских решений и, во-вторых, выявление конкретного содержания критерия эффективности лежит в плоскости более серьезной эпистемологической проблемы измерения в гуманитарных исследованиях. Способ решения был предложен на основании информационно-синергетического подхода, в котором открываются возможности выяснять механизмы самоорганизации как цепь стадий информационного процесса [4]. Для каждой из этих стадий, например для процесса генерации информации как выбора варианта «выхода из хаоса» или процесса построения оператора как отбора способов для достижения цели, есть свои характеристики — соответственно, ценность и эффективность [5]. Мы сочли излишним в данной статье приводить обоснования их аналитического вида [6, с. 24–26], ограничившись словесным выражением: ценность как вероятность «выхода из хаоса», а эффективность как соотношение ценности и лаконичности обоснования выбора варианта, преобладающего состояния неустойчивости.

Предлагаемый нами подход к оценке философских решений отличается от традиционной, которая заключается в рамках оппозиций: истинно — ложно, просто — сложно, доказано — опровергнуто, оригинально — банально etc. Все итоги философских исканий значимы уже фактом своего существования, поскольку создают интеллектуальный прецедент в разнообразии рефлексивных практик. Они создают фон или «информационный шум», тезаурус или традицию, интеллектуальную память или культуру — то разнообразие, без которого невозможно существование и рождение нового. Каждое философское решение, разветвляющее традицию всей философии, всегда вбирало прошлый опыт (даже тогда, когда опровергало его), указывало новую исследовательскую цель и выражало свою идею в лаконичной форме. «*Cogito ergo sum*» и «язык дом бытия» — одновременно были интуитивно ясными, выражали квинтэссенцию исследовательской программы и определяли асимптоту поиска.

Вместе с тем приведенные примеры прагматических выражений становились итогом долгих (и многостраничных) исследований. Философское же решение научно-технических проблем не оставляет времени для многолетних раздумий. В связи с проблемами, возникающими при инновационном развитии, отметим особенности ролей научно-технических и философских решений. Если научно-техническое решение видит свою цель во внедре-

нии своих разработок, для создания которых философско-методологические решения образуют некоторое фоновое знание, т. е. относятся к предшествующей генерации научных и технических идей, то философия реализует свою предупреждающую функцию и пытается выявить спектр негативных последствий внедрения инновации. Иными словами, если для научно-технических решений сам факт внедрения не может быть критерием эффективности, то для философских решений их внедрение становится чрезвычайно редким, и еще более счастливым событием.

На рубеже XX и XXI вв. усилия философии привели к продуктивному внедрению результатов ее исследований «научно-технического прогресса» и той цены, которой человечество оплачивает этот «прогресс». Этим внедрением стала гуманитарная экспертиза новых технологий, а основанием – эффективность философских решений (в том смысле, которое мы обосновали выше), по крайней мере, двух проблем: экологической и биоэтической. Сложность определения существа этих проблем была связана с тем, что их генезис и состояние можно сравнить с кустарником со многими корнями и ветвями, между которыми трудно установить однозначное соответствие. Поиски связующих основ разветвленного генезиса выявляют *две* «точки роста» проблем. Своими корнями данные проблемы уходят, *во-первых*, в культурные традиции познания и деятельности, развитие научной культуры, вытекающей из «традиции вопрошания» [7, с. 49]; *во-вторых*, в сакральные начала этических принципов, руководствуясь которыми человек разрешает себе вмешиваться в естественные процессы. Все воплощения антропоцентризма привели к репрессивному началу как по отношению к природе, так и к природному в человеке, что призывало человека обуздывать природную стихию в своем окружении, и в себе самом. Эта позиция стала «точкой отсчета» интеллектуального пути западной культуры. В данном же интеллектуальном контексте сложилась аналитическая традиция, которая, с одной стороны, подарила миру науку, а с другой – способствовала раздробленному (на мир науки, мир философии и духовный мир) миропостижению человека. Результатом этой интеллектуальной доминанты стало разложение целостного образа мировосприятия, что в значительной степени инициировало экологическую и биоэтическую проблематику. Подчеркнем, что современная наука, воспринятая в качестве величайшей ценности всеми культурами, в структуре исходных принципов, идей и методов была и есть интеллектуальным продуктом западной культуры.

Начало же «корневой системы» проблем, породившей запутанную поросль воплощений наприя-

жения в отношениях человека и природы, которое стало самоочевидным во второй половине XX в., в том, что в технологии и промышленные процессы стали преобразовывать *силы природы* (например использование в промышленных масштабах энергии ядерных сил в атомной энергетике) и *устремления человека в его повседневности* (например эксплуатация устремлений к продлению молодости при разработке и в продвижении биотехнологий). Процесс овладения людьми силами природы сопровождался замещением естественного искусственным. Вместе с созданием «второй природы», ставшей искусственной средой обитания человека, людям потребовалось иметь искусственный интеллект (телекоммуникационные средства управления), искусственную культуру (массовую культуру), искусственную интеллигенцию («белые воротнички») [8] и искусственную жизнь (эффекты виртуальной реальности и продукты биотехнологий).

Поиски решения экологической проблемы актуализировали различия культуры и цивилизации. Проведение демаркационной линии между ними было предметом множества философских исканий, но самая лаконичная из них принадлежит Н. А. Бердяеву: «Культура всегда бескорыстна, цивилизация всегда заинтересована», культура есть «продукт творческой работы над природными стихиями», а цивилизация – «подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни» [9, с. 166]. Из этого следует, что цивилизация и культура не разделены временем, они «соседствуют», и способы такого «соседства» воплощены в отношении к обозначенным проблемам. Это способствовало осознанию, что человеку не дали «дом» во владычество. Как известно, слово «экология» происходит от греческого «οίκος» — дом, хозяйство, обиталище. Нас пустили в этот «дом» пожить. Жизнь в нем возможна при соблюдении определенных законов. Законы эти – это законы природы. Они сильны и безжалостны. Люди смогут сохранить свое место в родном для них «доме», если осознают себя его частью, причем не самой обязательной для существования «дома».

Результатом данного подхода стала диагностика *экологии как феномена самосознания цивилизации* [8]. Диагноз дал шанс на «выздоровление» и определил эффективные способы «лечения», к которым принадлежат идеи коэволюции, методология имитационного моделирования, этика долга и философское осмысление экофильного опыта дальневосточных культур. Сорок лет назад, когда в 1972 г. Римскому клубу был представлен знаменитый доклад «Пределы роста», трудно было предполагать, что станет реальностью отказ от вредных производств, внедрение ресурсосберегающих технологий и принятие в повседневной жизни экофильного поведения. При всей безусловной эффективно-

сти предложенного на философском уровне решения экологической проблемы зона конфликта культуры и цивилизации продолжает существовать, что со всей очевидностью фиксирует биоэтическая проблема. В поисках ее решения участие философии столь велико, что все чаще биоэтику ошибочно относят к разделам философии.

Во многом решение биоэтической проблемы является аналогичным философским решениям проблемы экологической. Эта аналогия позволила увидеть биоэтику как *форму самосознания современной культуры*.

Обретенное могущество в конструировании человека человеком становится вызовом для философской антропологии, поскольку требует однозначных в своей точности ответов на вечные вопросы: что есть начало жизни человека, окончание его жизни, что есть правильная жизнь, в чем выражают себя целостность и индивидуальность чело-

века. Поиск ответов актуализируют биомедицинские технологии, создавшие реальные условия для трансформации организма в материал для соответствующих манипуляций [10]. Биоэтические дилеммы разъясняют всю множественность философских поисков ответов на вопросы о начале и завершении человеческой жизни, сути ее блага и смысла. Эта множественность определяет прагматическую составляющую в семиотике современной повседневности, что выражает себя в отказе от еще недавно распространенных поведенческих стереотипов и принятии новых стереотипов, считающихся ранее недопустимыми. Подтверждением эффективности философских решений становится тиражирование их идей в повседневной практике, что фиксирует изменение человеком осознания себя и его обращений к биоэтике как форме защиты своей индивидуальности [11] в тотальности воздействий биомедицинских технологий.

Список литературы

1. Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: учеб.-метод. пос.: пер. с ит. Е. Костюкович. 2-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2003. 240 с.
2. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Пригожин И. Р. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках: пер. с англ. М.: Наука, 1985. 328 с.
4. Мелик-Гайказян И. В. Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек. 2007. № 3. С. 32–43.
5. Мелик-Гайказян И. В. Идея процесса и проблема измерения // Философия и эпистемология науки. 2009. № 2. С. 127–142.
6. Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука. Физматлит, 1998. 192 с.
7. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
8. Гиренко Ф. И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М.: Наука, 1987. 200 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 176 с.
10. Мещерякова Т. В. Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. № 10. С. 216–221.
11. Мещерякова Т. В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009. 23 с.

Мелик-Гайказян И. В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: melik-irina@yandex1.ru

Элентух И. П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры.

Томский архитектурно-строительный университет.

Пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003.

Материал поступил в редакцию 20.12.2011.

I. V. Melik-Gaykazyan, I. P. Elentuh

**CRITERIA FOR EFFECTIVENESS OF PHILOSOPHICAL DECISIONS
SCIENTIFIC-TECHNICAL PROBLEMS**

On the basis of information-synergetic approach (I. V. Melik-Gaykazyan) on the generation of information as the process of choosing option «out of chaos» justified the efficiency criterion of philosophical solutions to the problems caused by the pace of scientific and technological development. These problems are characteristic: they are deprived of the genesis of the evidence, their condition has a strong instability, their decision is unprecedented and requires quick action. From the standpoint of understanding the creative chaos of informational efficiency criterion set by the ratio of brevity and originality justify the choice of options, overcoming the state of instability. On the example of Ecology and Bioethics discussed the effectiveness of philosophical decisions. The paper presents some results of the project RFBR № 11-06-00160 “Criteria for self-organizing information systems” and grounded in the draft statement of the problem RFH № 12-03-00198 “Bioethics as a form of self-consciousness of modern culture”.

Key words: *criterion, efficiency, information, creativity, chaos, effectiveness of philosophical decisions, scientific and technical problem, ecology problem, the problem of bioethics.*

Melik-Gaykazyan I. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: melik-irina@yandex1.ru

Elentuh I. P.

Tomsk State University of Architecture and Building.

Pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russia, 634003.